

Немирович-Данченко Василий Иванович

Под горячим солнцем

Рассказы о Кавказе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Под горячим солнцем: Рассказы о Кавказе / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 226 с.

ISBN 978-5-519-99067-7

ISBN 978-5-519-99067-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Затѣмъ такъ! Тоже совѣсть была! Родные Сулеймана стали-бы мстить. Правильно дѣло было-бы—кровь за кровь; молодежь смѣлость и удалство показать-бы могла... А теперь?.. Прежде народъ честь зналъ, за обиду кинжаломъ расправлялся. Мужики были, а теперь бабами стали. Чуть что—къ начальству бѣгутъ. Какого еще позора ждать? У насъ здѣсь есть одинъ такой, жену свою поймалъ въ кунацкой съ гостемъ. Что-жъ-бы ты думалъ?—съ ужасомъ обратился ко мнѣ Магома.—Убилъ онъ ихъ?.. Нѣтъ—женѣ разводъ далъ, а на обольстителя ея, собачій сынъ, пошелъ жаловаться въ судъ. Просто и жить не стоитъ нынче... Кто говоритъ, всѣ мы въ молодости на эти дѣла ходили. Кровь играетъ, поневолѣ къ сосѣду залѣзешь жену воровать. А только мы знали, что голову свою за это несемъ, знали, что если оплошаемъ, такъ и совѣмъ домой не вернемся!..

А ночь, дѣйствительно, вы пала на нашу долю плохая. Черною пастью лежала еще ввечеру передъ нами пещера. Мы забрались туда часа на два, пока не взойдетъ луна. Въ потемкахъ нечего было и думать пускаться па удачу. На первомъ-же поворотѣ тропинки и мы, и лошади свернули-бы себѣ головы. Кое-какъ въ глубинѣ грота удалось развести костеръ. У входа темнѣла холодная мгла. Злобно шипя, колыхалось пламя, съ тихимъ свистомъ пробѣгало оно вверхъ по вѣтвямъ сухого орѣшника, и когда между ними попадался корень, узловатый и толстый—снопъ золотыхъ искръ падали на черныя плиты. Вверху то клубился дымъ, то багровый отблескъ игралъ на сталактитахъ.

Костеръ погасъ скоро, только, тускло отгорая, еще шипѣли смолистые сучья. Около пещеры фыркали лошади.

— Теперь пора! Поѣдемъ!

Мы встали и вышли.

Высоко горѣли звѣзды въ ночныхъ небесахъ, разливая серебряный свѣтъ. Изъ мрака выступали утесы; вонъ одинъ прямо передъ нами, точно матово-бѣлая глыба.

Внизу, объятая туманомъ, долина, какъ пропасть, легла. Только какой-то огонекъ на самомъ днѣ ея то вспыхнетъ, то замретъ...

— Костеръ тоже, — пояснилъ Магома. — Тоже луны ждуть!

Вонъ бьется и плещетъ горное озеро, дробится въ огнистыя искры. Точно призраки, изъ расщелинъ ползетъ, растетъ и клубится мгlistая тьма.

И вдругъ... Точно багровымъ заревомъ разомъ облило застывшую въ голубомъ блескѣ окрестность. Мѣсяцъ показался за Шайтанъ-горою. Далеко впереди зазмѣнились извивы тропинки, массы горъ опредѣлились. Гдѣ прежде былъ однообразный фонъ, теперь легли оттѣнки ущелій и выступовъ. За пропастью налѣво, на склонѣ горы, засверкали нѣсколько огоньковъ. Это горный аулъ, еще незаснувшій... Лунный блескъ краснымъ заревомъ легъ на его плоскихъ кровляхъ, обдалъ багровымъ отсвѣтомъ круглую, суживающуюся кверху башню минарета. Новый поворотъ дороги — и опять передъ нами пустынная мѣстность.

И мы тронулись впередъ... Въ убогихъ ущельяхъ насъ охватывала со всѣхъ сторонъ влажная тьма, теплымъ и нѣсколько душнымъ воздухомъ обдавало на скалистыхъ гребняхъ. Приходилось лѣпиться почти по отвѣснымъ скаламъ, ползти вдоль пропасти, такъ-что кони сплошь насѣдали на лѣвыя ноги, чуть дотрогиваясь до обрывистаго края тропинки правыми.

Словно черныя пятна на сѣрыхъ утесахъ выдѣлялись гроты. Нѣкоторые изъ нихъ искусственные. Одни высѣчены троглодитами въ незапамятную старь, другіе — въ позднѣйшія времена жителями окрестныхъ ауловъ, спасавшимися сюда отъ набѣговъ осетинъ валаджарскихъ. Какую эффектную картину должны были представлять эти отвѣсныя стѣны, когда временное населеніе ихъ пещеръ раскладывало по ночамъ огни, когда на высотѣ воздушной сверкали эти щели, какъ пламенные жерла, среди окружающаго мрака и безмолвія, надъ обезлюдѣв-

шими аулами мирныхъ долинъ. А на вершинахъ горъ одни за другими вспыхивали зловѣщіе костры, разнося далеко за десятки верстъ смутный слухъ объ опасностяхъ осетинскаго набѣга.

Всталъ и зашелъ мѣсяцъ. Поблѣднѣли яркія звѣзды. Вершины заалѣли подъ зарею... А мы все еще были на коняхъ.

Все доступное оку сверкало подъ заревыми лучами. На изломахъ утесовъ, въ серебряномъ дождѣ небольшихъ водопадовъ, въ водахъ спокойнаго горнаго озера блистали эти лучи. Огнистая вершина Халта-горы казалась алтаремъ, а вокругъ, какъ цари этого пустыннаго міра, сіяли подъ зарею своими горящими вѣнцами утесы и скалы въ безконечную даль уходившаго нагорья. Огневыми морями раскинулись на немъ ледники. А сѣрые туманы подъ блескомъ весенняго дня еще влубились въ глубокихъ долинахъ. Сквозь ихъ разорванный покровъ кое-гдѣ зеленѣли сады. Въ одномъ мѣстѣ надъ тучей, точно бирюзовая, голубѣла верхушка минарета, словно она плавала въ волнахъ этой медленно зыблющейся мглы.

Прелестно начался этотъ веселый день, привѣтствуя насъ, одинокихъ странниковъ, запахомъ жасминовъ и веселымъ говоромъ въ алмазную пыль дробившихся ручьевъ.

Тутъ-то то мой кунакъ и благопріятель Магома печаловался на растлѣніе современныхъ нравовъ въ Дагестанѣ.

— Все-таки прежде хуже жилось!—riskнулъ замѣтить я.

— Почему хуже?

Магома даже пріостановился.

— Убійствъ было много!

— Можетъ быть, ты и хорошій человѣкъ, да урусь. У васъ у всѣхъ руки сильныя, да души воробьиныя. Развѣ мужу подобаетъ крови бояться? Развѣ не весело, когда кругомъ звенятъ пашки и порохомъ пахнутъ? Эхъ, было время!.. Для храбрыхъ людей не нужно было и повода, чтобы поработать кинжаломъ. Вотъ тутъ недалеко случай былъ: изъ-за плети треста человѣкъ зарѣзанъ.

— Это-же какъ?—невольно удивился я.

— А такъ, что прежде люди были, а не бабы. Сосѣдъ у сосѣда плеть взялъ, да забылъ воротить ее. Хозяинъ обругалъ его, онъ схватился за кинжалъ. А въ это время народъ изъ мечети шелъ. Весь аулъ на двѣ партіи раздѣлился. Одни пристали къ хозяину плети, другіе къ его сосѣду, и пошла «веселая игра». Триста мертвыхъ къ вечеру и подобрали... Было время!..

Я невольно приостановилъ лошадь, чтобы на случай быть подалѣе отъ этого любителя «веселой игры».

Магома былъ человѣкъ совершенно искренній. Старикъ, нѣкогда непримиримый врагъ русскихъ, одинъ изъ самыхъ неукротимыхъ узденей Хаджи Мурата, а теперь старшина своего аула, онъ выросъ при такой обстановкѣ, гдѣ кровь не считалась ни во что, а жизнь человѣческая цѣнилась дешевле цыпленка. Представьте себѣ худое и длинное лицо, съ длиннымъ, клювообразнымъ носомъ. Сѣдые космы усовъ и бороды совершенно скрываютъ ротъ, изъ-подъ далеко выдавшихся щетинистыхъ бровей неотступно смотрятъ на васъ грозныя очи недавняго мюрида, сотни разъ встрѣчавшія смерть и, навѣрное, неопускавшіяся передъ нею. Лобъ и щеки въ морщинахъ, и каждая врѣзана глубоко, точно остриемъ кинжала. Сухая грудь, сухія, узловатыя руки. На копѣ сидитъ — точно приросъ къ нему. Какъ будто въ противорѣчіе самому себѣ, тотъ же мюридъ Магома, повѣствующій о прелестяхъ «веселой игры» и предпочитающій запахъ пороха и крови благоуханію жасминовъ, — страстный любитель котятъ. Даже смѣшно было видѣть эту сумрачную, грозную фигуру, этого «трагическаго злодѣя», по-дѣтски забавляющагося съ котятами, которыхъ онъ себѣ укладывалъ и за пазуху, и на шею. Того же Магома, несмотря на все его величіе, ничуть не боялась аульная дѣтвора. Все это голое, толстобрюхое, но неизмѣнно выбритое потомство при каждой встрѣчѣ съ Магомою непременно потребуетъ отъ него сказки или лабъ-лабы—мѣстнаго лакомства. И трагическій злодѣй возится съ ними, какъ съ котятами!

Судите послѣ того о человѣкѣ. Тотъ-же Магома, ради моего, на примѣръ, спокойствія, готовъ былъ сложить голову и искренно обидѣлся, когда я ему предложилъ вознагражденіе. А что я ему, спрашивается? Магома отличается мягкосердечіемъ и въ другихъ случаяхъ. Такъ, на примѣръ, если по дорогѣ ползетъ какой-нибудь жукъ, трагическій злодѣй непременно объѣдетъ его, чтобы не раздавить подъ копытами лошади. Если гдѣ-нибудь на проулочкѣ аула воетъ паршивая, голодная собаченка, Магома ее подыметъ, принесетъ домой и накормитъ. Тотъ-же трагическій злодѣй Магома славится своею игрою на чунгурѣ (родъ балалайки съ стальными струнами), на которомъ играютъ посредствомъ гибкой корочки черешниваго дерева. Магома сочинялъ сантиментальныя пѣсенки и зачастую плакалъ подъ звуки своей чунгуры. А про того-же сердобольнаго Магому рассказываютъ, на примѣръ, такой случай. Давно какъ-то случилось ему быть на одной сходкѣ внѣ его аула. Нѣсколько человѣкъ позволили себѣ посмѣяться надъ нимъ и, между прочимъ, намекнули на то, что жену его, Айшу-Мамаатъ-Кизы, видѣли какъ-то съ его двоюроднымъ братомъ въ томъ-же положеніи, въ какомъ историческій рогоносецъ Менелай засталъ прекрасную Елену съ Парисомъ. Магома затаилъ злобу. Онъ на сходкѣ никому не отвѣтилъ ни слова, но, выѣхавъ изъ аула, притаился за первую попавшуюся по дорогѣ скалою. Ждать пришлось ему недолго. Одного за другимъ—онъ убилъ неосторожныхъ путешниковъ, вернувшись домой, зарѣзалъ Айшу и въ ту-же ночь покончилъ съ своимъ легкомысленнымъ кузеномъ. Десять лѣтъ послѣ того онъ скитался по Кайтагу, забираясь и въ елисейское султанство, — скитаясь больше по обычаю, чѣмъ избѣгая мести родственниковъ своихъ жертвъ. Наконецъ, во время «замиренія» ему удалось покончить съ «канлы» и вернуться домой. Тѣмъ не менѣе, понятно, что жизнь его виситъ на волоскѣ. Старыя обиды не забыты, и хотя Магома прочиталъ убитымъ молитву «фатиха» и уплатилъ ихъ близкимъ деньги, ему все-таки добромъ не кон-

читъ! Магома былъ «тоувадаквити», т. е. принялъ присягу не пить опьяняющихъ напитковъ.

Вотъ еще случай для характеристики Магомы—трагического злодѣя.

Къ нему, какъ къ аульному старшинѣ, пріѣхалъ «ну-керъ» отъ окружнаго начальника для взысканія штрафныхъ денегъ. Собрали на-скоро всѣхъ властей, другого старшину Юсупа, аульнаго «крикуна» (глашатая) Мухаммеда. Явился и аульный писарь—тоже горецъ. При этомъ, какъ и слѣдуетъ властямъ, заспорили, откуда начинать, съ южнаго или сѣвернаго конца аула. Старики, Магома и Юсупъ, спорили истово, важно. Со стороны можно было подумать, что дѣло идетъ о судьбахъ дѣлаго населенія, о чьей-нибудь жизни; наконецъ, писарь рѣшилъ перебрать горцевъ, подлежащихъ штрафу, съ середины.

По узенькому переулочку, змѣвившемуся вокругъ безпорядочно разбросанныхъ саклей, сборщики поднялись къ не-большой площадкѣ, на которой, у самой мечети съ круглымъ, съуживающимся кверху минаретомъ, стояла жалкая, убогая сакля перваго должника Курбанъ-оглы. Самого его не было. Вышла жена его, голодная, истощенная женщина.

— Съ твоего мужа слѣдуетъ три рубль!

Та только широко раскрыла глаза.

— Спаси васъ Аллахъ!.. Да у моего Курбанъ-оглы и денегъ такихъ никогда не было!.. За что?.. Что онъ сдѣлалъ?

Мотивы своихъ рѣшеній окружные начальники не объявляютъ и оправданій никакихъ не принимаютъ вовсе.

— Женщина, не говори лишняго!..

— Да скальтесь-же надъ нами бѣдными, посмотрите, какъ мы живемъ!

Жили, дѣйствительно, ужасно.

Сакля вся состояла изъ мазанаго глиной плетневаго короба. Въ одномъ отдѣленіи его стоялъ волъ и корова, въ другомъ жилъ несчастный Курбанъ-оглы. На его женѣ были лохмотья. Голый ребенокъ, какой-то жалкій, напуганный, словно дикій звѣрекъ, выглядывалъ изъ-за дверей и поминутно прятался въ душную тьму своего жилья.

— Что тутъ время терять!—вступился нукеръ.—Гоните корову. Коли черезъ три дня не внесетъ штрафъ, продадимъ въ городѣ!

Несчастливая даже не протестовала. Она только опустила руки, какъ-то разомъ поникла и помертвѣла вся, точно все внутри у нея осѣло, упало. Пока голодную коровенку выгоняли изъ хлѣва, слезы медленно струились по этому заостренѣвшему лицу. Только когда корову выгнали, она разомъ рванулась къ ней, схватила ее за шею. и точно повисла на ней.

— Убить вы насъ хотите? Что вонъ тѣ малютки ѣсть будутъ, они, вѣдь, только и живутъ молокомъ. Больше у насъ ничего нѣтъ... Маци, Ахмедъ!..

Изъ сакли робко показался мальчуганъ, за нимъ едва переступала на маленькихъ ножонкахъ крошечная дѣвочка.

— У насъ корову отнять хотите...—рыдала мать.—За одно и ихъ схороните, все равно съ голоду умрутъ!

Магома по привычкѣ, совершенно безсознательно, досталъ изъ кармана лабъ-лабы и протянулъ горсть мальчику. А на лицѣ сохранялось все то-же начальственное выраженіе, и сумрачныя эчи такъ-же грозно смотрѣли изъ подъ-сѣдыхъ, нависшихъ бровей.

— Вола можно взять!—заикнулся нукеръ.

— Волъ не ся. Волъ братнинъ!—замѣтилъ аульный крикунъ.

— Не хорошо!..—вдругъ вырвалось у Магомада.

Всѣ въ изумленіи оглянулись на него.

— Не хорошо!.. Въ самомъ дѣлѣ умрутъ... Ишь какіе маленькіе!

И жилистая рука легла на голову крохотной дѣвочки. Та даже присѣла отъ этой ласки.

— Намъ разсуждать нельзя, —объяспалъ нукеръ, —мы посланы... велѣно...

— Что такое говорите вы тамъ!—разгорячился Магома.—Кто васъ послалъ? Грабить хотите вы, что-ли? У бѣдныхъ дѣтей кормилицу отнимаете. Что они виноваты

въ томъ, что отецъ ихъ Юсупу дерзость сказалъ? Вина-
вата она, что-ли?

И Магомадъ подхватилъ дѣвочку, поднесъ ее къ са-
мому носу ни въ чемъ неповиннаго и до сихъ поръ мол-
чавшаго аульпаго крикуна — парня необычайпо глупаго
вида. Букашка въ сильныхъ рукахъ Магомы раскричалась.

— Что-же, ты за нее заплатишь, что-ли? — насмѣшливо
спросилъ нукеръ.

— И заплачу. Гони корову назадъ!

— Плати, если богатъ!

Но роли благодѣтельнаго Провидѣнія Магомадъ не могъ
выдержать до конца. Точно желая ослабить впечатлѣніе,
онъ разорался на бѣдную женщину. Та, впрочемъ, обра-
довалась и стала передъ нимъ, опустила голову, но уже съ
просвѣтлѣвшимъ лицомъ.

— Чего ты тутъ! — кричалъ Магомадъ. — Что ты за хо-
зяйка... Дѣти голыя... Не бьетъ тебя мужъ, вѣрно!... Ишь
ты, тоже плакать умѣешь. Приведи дѣтей вечеромъ —
платье имъ дамъ да хлѣба велю своей Заза отсыпать вамъ!

И онъ опять заоралъ и затопалъ ногами.

Оказалось, что трагическій злодѣй является постоянно
плательщикомъ за свой обѣднѣвшій аулъ. Всѣ ему должны.
Недостача хлѣба, другая какая необходимость — сейчасъ
къ Магомѣ, и онъ, сохраняя то-же суровое выраженіе
лица, поможетъ въ дѣйствительной нуждѣ. Да не такъ
поможетъ, какъ помогаетъ, напримѣръ, нашъ деревенскій
міроѣдъ, заставляя должника работать на себя, идти къ
себѣ въ кабалу. Нѣтъ, Магомадъ именно давалъ такъ,
чтобы правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая.

Вотъ вамъ и трагическій злодѣй Магомадъ-оглы!

II.

Кай-булагская щель. — Фей духана. — Ваба-яга —
костяная нога.

Горный пейзажъ какъ-то разомъ померкъ. Стало все
сумрачно, даже, пожалуй, грозно.

Представьте себѣ гору, которая треснула пополамъ. Щель, со стороны незамѣтная, блеститъ, какъ остріе ножа, когда тропинка поворачиваетъ прямо къ ней. Это даже не корридоръ, а просто трещина.

— Неужели дорога туда идетъ?

— Кай-булагская щель называется. Сказываютъ, давно тому назадъ, когда еще по всему Дагестану и уруса не бывало, когда «наши» жили, какъ горные орлы, на всей своей волѣ, одинъ богатырь проѣзжалъ здѣсь. Десять дней и десять ночей на конѣ оставался, усталъ страшно, а тутъ вдругъ крутая гора передъ нимъ. Ему-то ничего, коня ему жаль стало. Вынулъ онъ пашку и рубнулъ; съ тѣхъ поръ и явилась щель эта. Теперь такихъ богатырей нѣтъ!

По мѣрѣ приближенія къ трещинѣ, слышался грохотъ воды, точно сворачивавшей съ мѣста громадныя скалы.

— Что тамъ, потокъ?

— Хорошо, что дожда нѣтъ, а то не проѣхать-бы!

— Почему?

— А по всей щели, точно облако, вспѣнная вода бѣжитъ. Внизъ съ откосовъ ручьи стекаютъ, ну и вздуется, шалитъ. Разъ тутъ цѣлый джамаатъ нашъ сбросило, ни одинъ живъ не вышелъ. На серединѣ горы дождь ихъ захватилъ, ну, до выхода они и не успѣли добраться. Тѣла ужасно избито водой о скалы. Трудно узнать ихъ было. Сюда вотъ, въ эту долину, снесло. Съ тѣхъ поръ такъ и называемъ мы ее «мертвой».

Прямо у входа въ щель былъ духанъ. Плоская кровля его далеко выдавалась впередъ, образуя открытую галерею. По столбикамъ, поддерживавшимъ выступъ крыши, ползли вверхъ виноградныя лозы, переплетаясь въ тысячи причудливыхъ арабесокъ. Сквозь эту зеленую сѣть ничего не было видно, за то когда, сойдя съ лошадей, мы вошли туда, какимъ чуднымъ уголкомъ показался намъ этотъ жалкій дагестанскій кабакъ! Сквозь виноградныя сѣти солнце играло на стѣнахъ дома изумруднымъ блескомъ. На полу, вездѣ, куда ни уходилъ взглядъ, колыхались и

вздрагивали тѣни отъ этой поэтической арабески. Солнечные блики ложились и на наши лица, и на темный коверъ, и на длинныя цилиндрическія подушки. Даже на бурдюкахъ играло оно зеленоватымъ блескомъ. Не хотѣлось сдвинуться съ мѣста,—такъ хорошо и пріятно казалось здѣсь. Тѣмъ болѣе, что вокругъ духана ложилась сумрачная окрестность безплодныхъ горъ и каменныхъ скалъ.

— Чей это духанъ? Должно быть, какой-нибудь армянинъ выселился сюда изъ Темиръ-Ханъ-Шуры или Кизляра?

— Еврей держитъ... Горскій еврей... Беніогу называется...

Я сейчасъ-же вспомнилъ цѣлый рядъ интересныхъ этнографическихъ данныхъ, приведенныхъ тифлисскимъ ученымъ Іудею-Чернымъ объ этой оригинальной отрасли семитскаго племени, заброшенной на Кавказъ еще во время перваго существованія храма іерусалимскаго. Полагаютъ, что это — потомки евреевъ, высланныхъ сюда Салманасаромъ. Названный мною путешественникъ находилъ между ними имена, употреблявшіяся Израилемъ еще во время странствованія въ аравійской пустынѣ, при судіяхъ и царяхъ, и несущіяся уже у другихъ евреевъ. Таковы, напримѣръ, мужскія: Мамра, Гамліилъ, Аминодавъ, Нахшонъ, Эльдотъ и жепскія: Авигаилъ, Тунамитъ, Іемима, Іоэль, Авишагъ и т. д. Вообще, только въ последнее время кавказскіе изслѣдователи пришли къ убѣжденію, что главный хребетъ, Карталинія и Кахетія нѣкогда, еще ранѣе Салманасара, были обитаемы какимъ-то семитскимъ племенемъ, не оставившемъ по себѣ никакихъ памятниковъ. Въ обычаяхъ кавказскихъ горцевъ до сихъ поръ хранятся слѣды этихъ аборигеновъ. Слѣдующему свидѣтельству Пфафа, по коренному осетинскому праву братъ еще недавно былъ обязанъ жениться на вдовѣ умершаго брата; кромѣ законной жены, достаточныя осетины держали паложницъ, дѣти отъ которыхъ назывались «кавдасардами», отъ того, что они рождались въ ясляхъ—